

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ

DOI [10.19181/demis.2026.6.1.10](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.10)EDN [WAVYPF](https://www.edn.ru/WAVYPF)

Научная статья

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ СЕМЕЙНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ: РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД

Дмитриева Т. Н.*МГТУ им. Н. Э. Баумана, Россия**E-mail: tndmitrieva@bmstu.ru, fortetete@mail.ru***Бажан Т. А.***НИЯУ МИФИ, Москва, Россия**E-mail: tbajan@mail.ru*

Для цитирования: Дмитриева, Т. Н. Государственное управление процессами семейной миграции в Российскую Федерацию: риск-ориентированный подход / Т. Н. Дмитриева, Т. А. Бажан // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 163–178. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.10](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.10). EDN [WAVYPF](https://www.edn.ru/WAVYPF).

Аннотация. Статья отражает результаты исследования, посвященного вопросам семейной иностранной миграции в Россию. Управление внешними миграционными потоками и контроль за ними не соответствуют потребностям российского общества и государства в условиях современных геополитических вызовов. Отсутствует система своевременного выявления рисков, не проводится их оценка, не выработаны механизмы управления рисками. Миграционная сфера стала источником рисков дестабилизации социума, безопасности государства и личности. Гипотеза исследования исходит из значительных возможностей риск-ориентированного подхода для оптимизации государственного управления в сфере миграции и улучшения миграционной ситуации. Для целей исследования была выбрана особая область российского миграционного пространства – семейная иностранная миграция. На первом этапе исследования выделены группы иностранцев – членов семей мигрантов, имеющих различный правовой статус, разные сроки пребывания, отличающиеся друг от друга по количеству прибывающих и по интеграционному потенциалу их представителей. Для этого осуществлен анализ научных источников по проблемам семейной миграции, теоретических основ применения упомянутого подхода, использован необходимый статистический массив официальной информации по данной тематике. Хотя статистическая картина миграционных процессов крайне фрагментарна, исследование позволило обнаружить определенные закономерности, достойные дальнейшего изучения. Проведенная градация аудитории членов семей мигрантов выявила, что различные группы инициируют разную степень рисков. Это позволило выделить четыре соответствующие категории. Полученный результат открывает возможность адресной работы с каждой группой. Исследование подтвердило значительные возможности риск-ориентированного подхода для своевременного выявления миграционных рисков, их адекватной оценки и построения системы управления таковыми. Дальнейшая работа на данном направлении потребует комплексного и более глубокого изучения каждой из выделенных групп. Такой путь открывает перспективы установления рациональной системы контроля за иностранными гражданами на территории России и выработки оптимальных стратегий их адаптации и интеграции в российское общество.

Ключевые слова: миграционная политика, миграция, семейная миграция, члены семьи мигранта, риск-ориентированный подход, миграционные риски, рискогенность, управление

Введение

Феномен семейной миграции не получил четкого определения в российских правовых источниках. Не определена стратегия работы с мигрантами этой категории, отсутствует инструментарий для своевременного выявления и предотвращения рисков, формируемых в данной связи. Целью настоящего исследования является анализ государственной политики и управленческой практики в отношении семей иностранных граждан (а также российских граждан с миграционной историей). Для ее достижения целесообразно использовать методологические возможности политической науки. Это позволит определить целевые, ценностные аспекты и правовые подходы к пониманию семейной миграции, сформулировать предложения для выработки мер по оптимизации государственного управления в данной сфере. Учитывая, что современное эффективное государственное управление немислимо без контроля, базирующегося на риск-ориентированном подходе (РОП), предлагается установить возможности его применения в рамках государственного управления процессами семейной миграции.

Обзор научной литературы и методология

К проблемам семейной миграции обращаются многие исследователи. Трансформация семейных взаимоотношений трудовых мигрантов, прибывших в Россию из стран постсоветского пространства, рассматривается в работах С. В. Рязанцева [1], Е. Е. Письменной [2], М. В. Рославцевой [3], А. Ю. Толмачевой [4] и ряда др. Вопросы измерения семейной миграции занимались О. С. Чудиновских [5], Е. И. Максименко [6] и пр.

В последние годы научное внимание уделялось исследованию особенностей закрытых мигрантских сообществ – этнических анклавов, оказывающих непосредственное влияние на семейную миграцию. Изучались условия трансформации этнической общности в «параллельное пространство» [7], критерии определения мест компактного проживания [8], вопросы безопасности и противодействия сегрегации мигрантов в связи с их деятельностью [9; 10], социально-экономические основы формирования и особенности функционирования таких сообществ [11] и т. д.

Тем не менее в области семейной миграции до сих пор изучено далеко не все. Хотя нет общепризнанного определения самого явления, широко используется его описание, предложенное Международной организацией по миграции (МОМ). Последнее включает лиц, попавших в страну приема, по каналам: а) воссоединения семьи (family reunification); б) создания семьи (family formation) или «брачной миграции»; в) сопровождения членами семьи «основного» мигранта (accompanying family members)¹. Такой подход, фиксируя важнейшие пути легальной миграции, не является исчерпывающим. Неопределенность понимания семейной миграции в рамках государственной политики порождает неэффективность контроля, а значит возможность нарушения прав и законных интересов, как мигрантов, так и местного

¹ IOM Glossary on Migration. International Migration Law. 2019. № 34. P. 71–72. ISSN 1813-2278. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf (accessed on 02.02.2026).

населения. В данной связи в настоящем исследовании предпринята попытка разработки модели применения РОП в целях создания системы своевременного выявления, оценки и управления рисками в связи с семейной миграцией.

Отдельные приемы риск-ориентированного подхода использовались с давних времен (удешевление контроля, его актуализация и др.). Идеология риск-управления – явление более позднее, обязанное синтезу достижений менеджмента, философии, права. Было установлено, что социальное развитие порождает новые неприродные риски (У. Бек, Э. Гидденс и пр.). Классическая парадигма управления исходила из уже случившегося, а РОП дал возможность управлять рисками в условиях неопределенности в формате будущего (Н. Талеб, Ч. Перроу). Понимание риска как фиксации опасности трансформировалось в своего рода технологию власти. Последняя предполагает классификацию людей и организаций по категориям риска, а также избирательность в управлении и контроле. Со временем РОП стал наполняться прикладным содержанием.

В девяностые годы XX в. элементы риск-ориентированного подхода включаются в законодательство США, а затем и Великобритании [12]. Флагманом здесь выступает международное противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее – ПОД/ФТ)². В России применение РОП началось позднее.

Как идеология и практика современной отраслевой политики в части риск-ориентированного контроля (надзора) РОП исследовались в работах отечественных и зарубежных авторов [13; 14, 15]. Изучались его возможности для обеспечения экономической безопасности [16; 17], ПОД/ФТ [18; 19] и др. Рассматривались ключевые инструменты: оценка рисков [20; 21], управление рисками [22; 23] и др.

Сегодня РОП имеет богатую теоретическую базу и практику использования не только в области ПОД/ФТ. Условия для его применения в сфере миграции сформировались в русле административной реформы и актуализации контроля. В 2011 г. «контроль за пребыванием (проживанием) иностранных граждан в Российской Федерации» уступил место институту «федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции»³. Параллельно был уточнен его предмет (контроль за нахождением, пребыванием и проживанием иностранных граждан и за их трудовой деятельностью на территории страны). В 2016 г. Правительство поручило МВД России разработать критерии отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, использующих труд иностранцев, к определенным категориям риска, на основании которых должна была строиться контрольно-надзорная деятельность ведомства в этой сфере⁴. Отныне государственный

² Money Laundering National Risk Assessment Guidance // FATF: [site]. URL: <https://www.fatf.org> (accessed on 05.08.2025).

³ Статья 29.2. «Федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции» введена в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ Федеральным законом от 18.07.2011 г. № 242-ФЗ // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116983/ (дата обращения: 8.11.2025)

⁴ Постановление Правительства РФ от 17.08.2016 г. № 806 «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и (или) используемых ими

контроль в сфере миграции должен был осуществляться «с применением риск-ориентированного подхода»⁵.

К сожалению, попытка введения РОП носила формальный характер. Категории объектов контроля формировались номинально, выявление и оценка рисков⁶ не предполагались, не принимались во внимание специфика хозяйствующих субъектов и характер использования ими труда иностранцев. Выхолощенная идея РОП ограничилась сегментом плановых проверок, которые позднее были исключены из арсенала государственного контроля в сфере миграции⁷. В августе 2021 г. из «Положения об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции»⁸ исключено указание на применении РОП.

При этом потенциал РОП для целей управления и контроля за миграционными процессами изучен явно недостаточно. Среди немногочисленных исследований в данной области можно назвать работу В. А. Волоха и Т. Н. Дмитриевой, в которой обоснована целесообразность возвращения к его применению [24]. Не выработаны методы оценки и управления рисками, формируемыми внешней миграцией и ее специфической ипостасью – семейной миграцией.

Для достижения поставленной цели авторы опираются на системный подход, общенаучные методы познания, анализ нормативных правовых источников, теоретического материала и статистических данных. В рамках исследования сделана попытка выявить элементы РОП, необходимые для адресной практической работы с отдельными группами семейной миграции, а также для построения системы управления рисками в этой сфере в дальнейшем. В их числе: дифференцированный подход к различным категориям членов семей мигрантов, учитывающий не только формальные, но и сущностные признаки, определяющие поведение и целеполагание мигрантов (страны происхождения, образование, этнокультурные

производственных объектов к определенной категории риска или определенному классу (категории опасности)», (пп. «а» п. 3) // КонсультантПлюс [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_203819/ (дата обращения: 03.11.2025).

⁵ Постановление Правительства РФ от 27.12.2017 г. № 1668 «О внесении изменений в Положение об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции» // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_203819/. (дата обращения: 03.11.2025).

⁶ Критерии отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, привлекающих к трудовой деятельности на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, а также юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации являются принимающей или приглашающей стороной, к определенной категории риска. Введены постановлением Правительства РФ от 27.12.2017 г. № 1668. Признаны утратившими силу постановлением Правительства РФ от 24.08.2021 г. № 1405 // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286501/ (дата обращения: 03.11.2025).

⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации”» от 11.06.2021 г. № 170-ФЗ // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_386909/ (дата обращения: 03.11.2025).

⁸ Положение об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, утв. постановлением Правительства РФ от 13.11.2012 г. № 1162; Перечень видов федерального государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется риск-ориентированный подход, утв. постановлением Правительства РФ от 17.08.2016 г. № 806 // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137778/0d48ff5cc8266e733c9e8f0431b8de3808611601/ (дата обращения: 03.11.2025).

характеристики и т. д.); стремление добиться полноты информации об изучаемом срезе социальной действительности и поиск путей для устранения статистических пробелов; учет динамики изучаемого явления; выявление рисков и условий их формирования; формулирование предложений для управления выявленными рисками.

Результаты

Семейная миграция пронизывает различные миграционные потоки, неоднородные по масштабам, мотивации, интеграционным возможностям. В Россию на длительный период допускаются члены семей иностранных граждан без учета уровня образования, квалификации и потенциального вклада в экономику. [5, с. 31] Указанная неизбирательность чревата формированием рисков для принимающего общества и государства, что усиливается масштабностью миграционных потоков, их концентрацией в определенных регионах, низкой мотивацией на интеграцию в российское социокультурное, коммуникативное и правовое пространство [25, с. 28–29].

Совокупность таких рисков довольно обстоятельно изучена российским учеными. Речь идет о вовлечении мигрантов в теневую экономическую деятельность, нарушении прав иностранных граждан и принимающего населения, давлении на социальную сферу, деформации исторически сложившегося этнокультурного баланса общества, формировании закрытых этнических сообществ [24, с. 7]. В сложившейся миграционной ситуации семейная миграция способна генерировать определенные риски.

В силу неоднородности семейной миграции необходим дифференцированный подход к различным группам, учитывающий правовой статус мигрантов, их социокультурные характеристики, особенности менталитета, стереотипы поведения, усвоенные на родине, и т. п. Представляется, что для целей настоящего исследования целесообразно ввести в научный оборот новый критерий – «уровень рискогенности миграционной группы», фиксирующий соотношение факторов риска, определяющих вероятность наступления негативных последствий. Для определения уровня рискогенности потребуется применение важнейшего инструмента РОП – оценки рисков, уровень которого может быть высоким, умеренным и низким.

Уточним, что ни в международном, ни в российском праве не существует общепринятой дефиниции понятия «семейная миграция». В международных правовых источниках⁹, в российском законодательстве используется понятие «члены семьи» мигранта. При этом круг лиц, подпадающих под данную категорию, четко не определен. В статье 2 Семейного кодекса Российской Федерации к членам семьи отнесены: супруги, родители, дети, а в статьях 93–97 по поводу алиментных

---

⁹ Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, одобренный Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2018 г. // Система официальной документации Организации Объединенных Наций : [сайт]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/452/02/pdf/n1845202.pdf> (дата обращения: 15.01.2019); Договор о Евразийском экономическом союзе // Правовой портал Евразийского экономического союза : [сайт]. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/236/8429/> (дата обращения: 22.05.2025).

обязательств указаны также братья и сестры, бабушки и дедушки и пр.¹⁰ В Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом¹¹ (далее – Госпрограмма), этот список предельно широк, включая все лица, упомянутые и в статьях 2 и 93–97 Семейного кодекса.

С учетом положений действующего законодательства членов семей мигрантов можно дифференцировать по длительности их пребывания на территории России, выделив группы с краткосрочным, долгосрочным пребыванием/проживанием и постоянным проживанием.

Краткосрочно (90 суток в течение года) могут пребывать члены семей всех категорий иностранцев, например, если они при въезде указали в миграционной карте цель – «частная». Правовой статус «основного» мигранта определяет возможность более длительного нахождения в России членов его семьи:

- граждан государств-членов ЕАЭС – на срок действия трудового либо гражданско-правового договора;
- граждан СНГ – на срок действия патента;
- иностранных граждан, обучающихся по основным образовательным программам, – на период обучения;
- российских граждан либо постоянно проживающих иностранных граждан из государств безвизового блока – до одного года с последующим продлением;
- высококвалифицированных специалистов – на срок действия разрешения на работу;
- участника Госпрограммы на срок действия его свидетельства (далее – возможность получения РВП, гражданства России);
- беженцев и лиц, получивших временное убежище – на срок действия предоставленного статуса.

Группы членов семей иностранных граждан, имеющих разрешение на временное проживание (РВП) либо вид на жительство (ВНЖ), получают право на достаточно длительное проживание.

В Таблице 1 приведены более подробные сведения о составе групп членов семей.

Семейная миграция сопутствует трудовой, образовательной и вынужденной миграции, а также иммиграции. Данные (табл. 1) фиксируют особенности выделенных групп по степени родства членов семьи к «основному» мигранту, срокам пребывания, правовому статусу. Стоит учитывать и различную численность групп.

Официальная статистика не выделяет членов семей ни по возрасту, ни по полу, ни по цели въезда, ни по другим характеристикам. Тем не менее, опираясь

---

¹⁰ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 30.10.2025) // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 20.10.2025).

¹¹ Указ Президента РФ от 22.06.2006 г. № 637 (ред. от 08.09.2025) «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (совместно с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом») // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61111/ (дата обращения: 14.10.2025).

на различные источники данных, методом экспертной оценки можно оценить масштаб семейной миграции применительно к каждой из категорий мигрантов.

Таблица 1

Основные категории семейной миграции

Table 1

Main categories of family migration

Виды миграции		Длительность нахождения	Краткосрочное		Долгосрочное		Проживание	
			Степень родства	Срок пребывания	Степень родства	Срок пребывания	Степень родства	Срок пребывания
Трудовая миграция	Трудовые мигранты из стран СНГ	все	90 суток из 360	дети работающих по патенту	до 1 года ежегодное продление	-	-	
	Трудовые мигранты из государств-членов ЕАЭС	все	90 суток из 360	супруги, дети	до 1 года ежегодное продление	-	-	
	высококвалифицированные специалисты	-	-	супруги, дети, супруги детей, родители, супруги родителей, бабушки, дедушки, внуки	до 3-х лет с последующим продлением	супруги, дети, супруги детей, родители, супруги родителей, бабушки, дедушки, внуки	без ограничений	
Образовательная миграция		все	90 суток из 360	супруги, дети	до 1 года ежегодное продление	-	-	
Иммиграция	Госпрограмма	все	-	супруги, дети родители, несов. братья и сестры, дедушки, бабушки внуки	до 5 лет	супруги, дети родители, несов. братья и сестры, дедушки, бабушки внуки	без ограничений - для репатриации	
	Проживание (РВП и ВНЖ)	Все	90 суток из 360	супруги, дети, родители, дедушки, бабушки, внуки (безвизовый блок)	до 1 года ежегодное продление	супруги, дети	до 3-х лет (РВП), без ограничений (ВНЖ)	
Вынужденная миграция	Временное убежище	Все	90 суток из 360	супруги, дети	до 1 года, с последующим продлением	-	-	
	Статус беженца	Все	90 суток из 360	супруги, дети	до 3 лет, с последующим продлением	-	-	

Источник: составлено авторами по результатам анализа положений Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.)

По данным МВД России, на 1 сентября 2024 года в стране находились 1 792 600 граждан Узбекистана, 1 231 500 – Таджикистана, 606 900 – Казахстана, 2 062 800 – Киргизии, 246 300 – Армении, 238 200 – Азербайджана¹². Эти цифры подразумевают, в том числе и членов семей.

При определении факторов риска возможно использовать следующие показатели: 1) численность группы; 2) период пребывания; 3) уровень адаптационного потенциала.

Трудовая миграция. С точки зрения правового статуса трудовых мигрантов и предпочтений для членов их семей выделяются три группы: 1) трудящиеся мигранты (в свою очередь, она делится на две подгруппы: прибывающие в визовом и безвизовом порядке¹³); 2) трудящиеся мигранты из государств-членов ЕАЭС; 3) высококвалифицированные специалисты.

Хотя статистическая информация не содержит подтверждений, можно допустить, что члены семей мигрантов в основном находятся в России не более 90 суток, въезжая с целью «частная». Предварительная оценка их доли в миграционном потоке может быть получена при сопоставлении соответствующих сведений Пограничной службы ФСБ России (табл. 2). Таким образом, общая численность членов семей мигрантов из Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана может быть в пределах 1 млн человек.

Приведенное сопоставление не является точным: 1) среди прибывших с «частной» целью могут находиться и те, кто совершает краткосрочный гостевой визит или планируют лечение в российских клиниках; 2) часть мигрантов при въезде скрывает истинную цель и указывают «частную»; 3) среди прибывших с целью «работа» есть доля «основных» мигрантов, к которым прибывают члены их семей. Тем не менее сравнение имеющихся показателей позволяет судить о масштабе явления.

Таблица 2

Иностранные граждане, прибывшие в Россию с целью «частная»

Table 2

Foreign citizens arriving in Russia for “private” purposes

№ пп	Страна	Всего въехало в 2023 году, человек	Цель въезда «частная», человек	Доля, %
1	Азербайджан	476 743	241 251	50
2	Армения	616 659	346 171	56
3	Казахстан	3 163 214	2 090 184	66
4	Киргизия	1 140 239	252 684	22
5	Таджикистан	2 153 956	815 812	38
6	Узбекистан	3 109 445	775 934	25

Источник: составлено авторами по данным Пограничной службы ФСБ России¹⁴

¹² Первый заместитель министра внутренних дел Александр Горовой о связанных с миграцией рисках // «Коммерсантъ»: [сайт]. 19.09.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7166241> (дата обращения: 19.09.2024).

¹³ В силу малочисленности «основных» мигрантов из визовых стран и сложностей с получением визы для членов их семей эта группа на данном этапе исследования не учитывалась.

¹⁴ Въезд иностранных граждан в РФ // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38479>. (дата обращения: 17.09.2025).

В случае данной категории мигрантов нужно учитывать ее многочисленность, условно рассматривать краткосрочность пребывания (фактически семьи находятся в Российской Федерации гораздо больше трех месяцев в году) и низкий адаптационный потенциал. Итак, налицо два очевидных фактора, повышающих потенциальные риски (многочисленность и низкий адаптационный потенциал), и один – условно понижающий фактор (период пребывания). Значит, уровень рискогенности здесь можно признать умеренным.

Следующая группа – это члены семей трудящихся-мигрантов из государств-членов ЕАЭС. Их количество сопоставимо с численностью выходцев из Узбекистана и Таджикистана. Наиболее многочисленным является киргизское сообщество (более 2 млн чел.). При оценке рискогенности данной группы необходимо учитывать то, что в целом в странах-членах социокультурная ситуация более благоприятна для адаптации их граждан к российским условиям, формально там высок статус русского языка. Вместе с тем в рамках дальнейших исследований потребуются более дифференцированный анализ. Дело в том, что политические и социокультурные реалии в странах Евразийского союза различны. К примеру, позиции русского языка в Белоруссии несопоставимы с аналогичными показателями в Киргизии и Армении. Однако на данном этапе исследования можно заключить, что значительная численность и длительное нахождение на территории России членов семей может компенсироваться их потенциальными адаптационными возможностями. Следовательно, уровень рискогенности этой группы будет низким.

Третья группа – высококвалифицированные специалисты (ВКС), имеющие особый правовой статус. Законодательство предоставляет им право на долгосрочное пребывание и даже проживание по ВНЖ. Всего в 2022 г. ВКС были оформлены 32 717 разрешений на работу¹⁵. Стало быть, количество членов семей высококвалифицированных специалистов несопоставимо с численностью группы трудовых мигрантов из безвизового блока. Преференции, предоставляемые ВКС, снижают привлекательность этнической сегрегации в качестве стратегии адаптации. В период своего пребывания члены семей ВКС имеют право осуществлять трудовую деятельность и получать образование. Такие обстоятельства гипотетически благоприятно отражаются на адаптационных возможностях членов семей ВКС. В данном случае имеют место два фактора, понижающие уровень рисков (незначительная численность и потенциально высокий адаптационный потенциал), которые компенсируют фактор длительности пребывания. Ввиду сказанного уровень рискогенности рассматриваемой миграционной группы низкий.

Образовательная миграция. В настоящее время в России находятся 415 тыс. иностранных студентов¹⁶. Опыт работы одного из авторов статьи свидетельствует о том, что обучающиеся крайне редко привозят с собой членов семьи, что связано с необходимостью предоставления гарантий их материального, медицинского и жилищного обеспечения. Несмотря на возможность длительного пребывания,

---

¹⁵ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за 2022 год // МВД России : [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20221123122453/https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/33920256/> (дата обращения: 30.03.2023).

¹⁶ Минобрнауки: количество иностранных студентов в вузах РФ выросло за пять лет // ТАСС : [сайт]. 27.11.2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25753425> (дата обращения: 05.02.2026).

нацеленность на получение российского образования, стимулирующая адаптивные способности членов обозначенной группы, и их относительно небольшая численность указывают на низкий уровень рискогенности.

Иммиграция. В целях исследования к этой категории были отнесены иностранные граждане, имеющие РВП, ВНЖ, статус участника Госпрограммы, «новые» граждане. Довольно широк круг иностранных членов семей российских граждан, а также обладателей ВНЖ (из стран безвизового блока). Они могут находиться в России до одного года с ежегодным продлением пребывания. На 1 января 2023 года свыше 200 тыс. граждан Таджикистана и Узбекистана имели виды на жительство. Контингент «новых» граждан из данных стран еще более внушительен: только в 2022 г. было принято решение о предоставлении гражданства РФ свыше 200 тыс. человек¹⁷. Еще активнее этот процесс протекал в предыдущие и не прекращался в последующие годы. Следовательно, указанная категория мигрантов исчисляется сотнями тысяч человек. Длительность пребывания, как фактор риска, усиливает уровень возможных напряженностей. Интеграционный потенциал рассматриваемой группы, как правило, низок, как и в группе краткосрочно пребывающих, очевидны риски незаконной занятости. Таким образом, совокупность факторов подкашивает высокий уровень рискогенности.

Участники Госпрограммы. Согласно данным Росстата, в 2023 г. статус участника Госпрограммы вместе с членами семей получили 38 315 человек. Ранее (2014–2019 гг.) этот показатель составлял более 100 тыс. человек¹⁸. Основная цель Госпрограммы – привлечение соотечественников, разделяющих российские духовно-нравственные ценности и являющихся носителями российского цивилизационного кода. Впрочем, как неоднократно отмечалось ранее, игнорирование этнокультурного критерия привело к резкому крену в сторону роста числа «соотечественников» – представителей титульных наций центральноазиатских республик, для которых участие в Госпрограмме упрощало легализацию и натурализацию в России. [26, с. 69–70; 27, с. 139] В нашей стране уже присутствует укоренившееся сообщество, не принимающее российские традиционные духовные ценности. Заявленные факторы риска (длительность пребывания, численность группы, адаптационные возможности) создают высокий уровень рискогенности.

Вынужденная миграция. Вынужденные мигранты чаще всего прибывают в Россию семьями. Срок их пребывания, как правило, не менее одного года. Их численность сравнительно мала, а адаптационные возможности неоднородны [28, с. 62–63] В 2024 г. временное убежище имели 17 308 иностранцев, а статус беженца – 244 иностранца¹⁹. В итоге количественный показатель (малочисленность) компенсирует

¹⁷ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за 2022 год // МВД России : [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20221123122453/https://мвд.рф/деятельность/statistics/migracionnaya/item/33920256/> (дата обращения: 19.03.2023).

¹⁸ Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в IV квартале 2023 года // МВД России : [сайт]. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring/2023 (дата обращения: 20.01.2024).

¹⁹ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.08.2025).

факторы длительности пребывания и адаптационных возможностей, поэтому уровень рискогенности данной миграционной группы низкий.

Обсуждение

По результатам мониторинга выявлены две группы с повышенным уровнем рискогенности (участники Госпрограммы и члены их семей; постоянно проживающие иностранцы и «новые» граждане России). Полученные результаты не являются окончательными. Они требуют дальнейших более глубоких исследований. Недостаток информации в настоящее время не позволяет дать объективную оценку самой многочисленной и порой проблемной категории мигрантов – трудовым.

Источники рисков в миграционной сфере имеют системный характер. Одна из причин – отсутствие эффективной государственной системы социокультурной адаптации и интеграции иностранных мигрантов. О чем свидетельствуют неразработанность принципов (интеграция – это факультативное право иностранца или условие его пребывания в стране?) и критериев адаптированности/интегрированности, фрагментарность правовой базы. Управленческое воздействие на общественные отношения в данной сфере минимально.

Выводы

1. В рамках совершенствования миграционной политики и ее нормативно-правового обеспечения в части семейной миграции, а также в целях снижения рисков сегрегации этнических сообществ, представляется необходимым:

– признать целесообразным применение риск-ориентированного подхода к управлению и организации контроля в области миграции (включая сферу адаптации/интеграции мигрантов и членов их семей);

– организовать на регулярной основе проведение оценки рисков, формирующихся в связи с внешней миграцией, включая семейную миграцию;

– унифицировать в миграционном законодательстве перечень членов семей мигрантов для всех категорий иностранных граждан;

– определить круг иностранных граждан и членов их семей, на которых бы возлагалась обязанность в части социокультурной адаптации/интеграции (например, установить обязанность по истечении года пребывания предоставлять документы о результатах прохождения соответствующих курсов).

2. В дальнейших исследованиях предусмотреть:

– анализ дополнительных характеристик миграционных групп, которые бы учитывались при определении категорий и оценке миграционных рисков;

– разработку механизма управления миграционными рисками в связи с семейной миграцией и апробацию его на практике;

– изучение возможности применения данного механизма в управлении другими направлениями миграции.

Список литературы

1. *Рязанцев, С. В.* Формирование центральноазиатского сегмента евразийской миграционной подсистемы / *С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, М. Ф. Ткаченко* // *Международные процессы*. 2013. Т. 11, № 3–4(34–35). С. 45–62. EDN [SHUIER](#).

2. *Рязанцев, С. В.* Евроазиатский миграционный коридор: теоретические аспекты, оценки масштабов и ключевые характеристики / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, О. Д. Воробьева // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 4. С. 5–18. DOI [10.26653/2076-4650-2020-4-01](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-4-01). EDN [HPGIRO](https://www.edn.ru/HPGIRO).

3. *Рославицева, М. В.* Мотивационные аспекты демографического поведения населения постсоветских стран // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 25–44. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.2). EDN [CVCFOP](https://www.edn.ru/CVCFOP).

4. *Толмачева, А. Ю.* Семьи мигрантов из постсоветских государств: между родиной и Россией // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 3. С. 49–69. DOI [10.19181/vis.2022.13.3.830](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3.830). EDN [PGADOO](https://www.edn.ru/PGADOO).

5. *Чудиновских, О. С.* Измерение семейной миграции в России: источники данных и проблемы их интерпретации // Вопросы статистики. 2020. Т. 27, № 4. С. 24–52. DOI [10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52). EDN [CLGGGL](https://www.edn.ru/CLGGGL).

6. *Максименко, Е. И.* Правовые вопросы информационно-цифрового регулирования миграционных процессов в отношении детей-мигрантов / Е. И. Максименко, Е. В. Ерохина // Миграционное право. 2022. № 1. С. 12–16. DOI [10.18572/2071-1182-2022-1-12-16](https://doi.org/10.18572/2071-1182-2022-1-12-16). EDN [WYWHZQ](https://www.edn.ru/WYWHZQ).

7. *Бурда, М. А.* Миграционная политика современной России: формирование мест компактного проживания иностранных граждан как фактор риска межнациональных отношений / М. А. Бурда, В. Ю. Зорин // PolitBook. 2024. № 4. С. 6–17. DOI [10.24412/2227-1538-2024-4-6-17](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-6-17). EDN [SEJOTA](https://www.edn.ru/SEJOTA).

8. *Ирхин, И. В.* Национально-этнические анклав в современном мире: природа, инструменты регуляции (публично-правовой аспект). Часть 1 // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 11(180). С. 39–51. DOI [10.24412/2227-1538-2024-4-6-17](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-6-17). EDN [UXSLKM](https://www.edn.ru/UXSLKM).

9. *Виноградова, Е. В.* Укрепление суверенитета. Административные и уголовно-правовые меры в сфере регулирования отношений в этнических анклавах // Право и управление. 2024. № 2. С. 46–50. DOI [10.24412/2224-9133-2024-2-46-50](https://doi.org/10.24412/2224-9133-2024-2-46-50). EDN [UKIEWVA](https://www.edn.ru/UKIEWVA).

10. *Кононов, Л. А.* Развитие теоретических положений о противодействии анклавному образу жизни мигрантов в Российской Федерации // Вопросы этнополитики. 2020. № 3. С. 59–69. DOI [10.28995/2658-7041-2020-3-59-69](https://doi.org/10.28995/2658-7041-2020-3-59-69). EDN [STNGEO](https://www.edn.ru/STNGEO).

11. *Бажан, Т. А.* Этнический анклав как социально-экономическое явление современной России // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2025. Т. 22, № 2(140). С. 61–78. DOI [10.21686/2413-2829-2025-2-61-78](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2025-2-61-78). EDN [KJNHCH](https://www.edn.ru/KJNHCH).

12. *Писенко, К. А.* Риск-ориентированный подход в антимонопольном контроле в Российской Федерации как предмет научного исследования / К. А. Писенко, П. В. Славинский // Административное право и процесс. 2021. № 3. С. 23–28. DOI [10.18572/2071-1166-2021-3-23-28](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2021-3-23-28). EDN [NYEEXA](https://www.edn.ru/NYEEXA).

13. *Мельников, Р. М.* Концептуальные подходы к формированию систем риск-ориентированного регулирования // Государственная служба. 2013. № 3(83). С. 26–29. EDN [RATOYF](https://www.edn.ru/RATOYF).

14. *Кунин, В. А.* Риск-ориентированный подход контрольно-надзорной деятельности: международный опыт и особенности применения в российских условиях / В. А. Кунин, И. В. Упорова // Экономика и управление. 2019. № 2(160). С. 59–68. EDN [ZEUGCT](https://www.edn.ru/ZEUGCT).

15. *Gilmour, N.* Global Standards, Governance and the Risk-Based Approach / N. Gilmour, T. Hicks // The War on Dirty Money / N. Gilmour, T. Hicks. Bristol University Press, 2023. Pp. 1–29. ISBN 978-1-4473-6512-9. DOI [10.51952/9781447365143.ch001](https://doi.org/10.51952/9781447365143.ch001).

16. *Авдийский, В. И.* Риск-ориентированный подход к обеспечению экономической безопасности современной России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2016. Т. 199, № 3. С. 199–211. EDN [YOYNSV](https://www.edn.ru/YOYNSV).

17. *Satovich, A.* Unintended Consequences of the Risk-Based Approach? De-Risking Tendencies in Anti-Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism compliance // Journal of Financial Compliance. 2023. Т. 7, № 2. Pp. 160–168. DOI [10.69554/mwzm4555](https://doi.org/10.69554/mwzm4555). EDN [MNSXPY](https://www.edn.ru/MNSXPY).

18. *Чмырь, Ю. Н.* Риск-ориентированный подход в сфере ПОД/ФТ: отечественный и зарубежный опыт / Ю. Н. Чмырь, Л. С. Михальская // Оценка социально-экономического развития: опыт и перспективы: Тезисы докладов и выступлений III Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Донецк, 04–05 апреля 2019 года / Общ. ред. О. Н. Головинова. Донецк: Донецкий национальный университет, 2019. С. 173–175. EDN [ZGANKH](https://www.edn.ru/ZGANKH).

19. *Суворов, В. Л.* Противодействие финансированию терроризма в условиях эскалации гибридных войн современной эпохи / В. Л. Суворов, Н. А. Хуторова // Вестник Академии военных наук. 2024. № 4(89). С. 44–52. EDN [XKPYJI](https://www.edn.ru/XKPYJI).

20. Глотов, В. И. Международный опыт оценки рисков в сфере ПОД/ФТ / В. И. Глотов, И. А. Аржанов // Финансовые исследования. 2018. № 4(61). С. 23–33. EDN [SLXCFF](#).
21. Курьянов, А. М. Национальная оценка рисков как элемент антиотмывочной системы // Банковское дело. 2023. № 11. С. 10–17. EDN [UOBJNO](#).
22. Чаплинский, А. В. Управление рисками при осуществлении государственного контроля в России / А. В. Чаплинский, С. М. Плаксин // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 2. С. 7–29. EDN [WAJBVB](#).
23. Eisaqui, D. D. C. Beyond the Special Assessment Tax: The Role of Taxation in Risk Management and Environmental Disaster Prevention in Light of the Economic Analysis of Law / D. D. C. Eisaqui, D. R. Brasil // IR Scientists' Herald. 2022. № 1(19). Pp. 159–187. EDN [FQDFOI](#).
24. Волох, В. А. Риск-ориентированный подход в государственном управлении внешней миграцией / В. А. Волох, Т. Н. Дмитриева // Управление. 2024. Т. 12, № 1. С. 5–15. DOI [10.26425/2309-3633-2024-12-1-5-15](#). EDN [DJTOOP](#).
25. Труфанов, Д. О. Миграционные риски как объект исследования / Д. О. Труфанов, Т. А. Феньвеш // Миграционные риски как фактор возникновения конфликтов: евразийский и европейский опыт решения: монография / под ред. Р. Р. Фахрутдинов, В. Т. Сакаев, Р. И. Измаилов. Казань : Издательство Казанского университета, 2020. 252 с. С. 28–48. ISBN 978-5-00130-350-3.
26. Бурда, М. А. Государственная миграционная политика Российской Федерации: этапы формирования и направления совершенствования: монография. Москва : АНО «Академический Альянс», 2024. 132 с. ISBN: 978-5-6049732-3-3 EDN [XOVHYV](#).
27. Бажан, Т. А. Содействие возвращению соотечественников (о реабилитации этнокультурного принципа) // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2022. Т. 19, № 5(125). С. 126–146. DOI [10.21686/2413-2829-2022-5-126-146](#). EDN [HRMETM](#).
28. Дмитриева, Т. Н. О перспективах социокультурной интеграции вынужденных мигрантов // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 61–63. DOI [10.24412/2073-0454-2023-2-61-63](#). EDN [AGOECZ](#).

Сведения об авторах

Дмитриева Татьяна Николаевна, кандидат политических наук, начальник управления по международной деятельности, МГТУ им. Н. Э. Баумана (Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)), Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: fortetete@mail.ru; ORCID ID: [0009-0001-5384-910X](#); РИНЦ SPIN-код: [9487-4411](#).

Бажан Татьяна Алексеевна, доктор философских наук, профессор кафедры финансового мониторинга, Институт финансовых технологий и экономической безопасности, НИЯУ МИФИ (Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»), Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: tbajan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-9205-6877](#); РИНЦ SPIN-код: [4538-3708](#).

Статья поступила в редакцию 21.11.2025; принята в печать 26.01.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

STATE MANAGEMENT OF FAMILY MIGRATION PROCESSES TO THE RUSSIAN FEDERATION: A RISK-BASED APPROACH

Tatiana N. Dmitrieva

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

E-mail: fortetete@mail.ru, tndmitrieva@bmstu.ru

Tatiana A. Bazhan

National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia

E-mail: tbajan@mail.ru

For citation: Dmitrieva, T. N., Bazhan, T. A. State Management of Family Migration Processes to the Russian Federation: A Risk-Based Approach. DEMIS. Demographic Research. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 163–178. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.10](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.10). (In Russ.)

Abstract. This article presents the results of a study devoted to issues of family foreign migration to Russia. The management and control of external migration flows do not meet the needs of Russian society and the state in the context of contemporary geopolitical challenges. There is no system for the timely identification and assessment of risks, nor have effective risk management mechanisms been developed. As a result, the migration sphere has become a source of risks to social stability, as well as to state and individual security. The research hypothesis is based on the potential of a risk-oriented approach for optimizing public administration in the field of migration and improving the overall migration situation. For the purposes of this study, a specific segment of the Russian migration space—family foreign migration—was selected. At the first stage of the research, groups of foreign nationals—family members of migrants—were identified and classified according to their legal status, duration of stay, scale of inflows, and integration potential. This involved an analysis of academic literature on family migration, the theoretical foundations of the risk-oriented approach, and the use of relevant official statistical data. Although the statistical picture of migration processes remains highly fragmented, the analysis allowed to identify certain patterns that warrant further investigation. The gradation of migrant family members revealed that different groups initiate varying levels of risk. This allowed for the identification of four corresponding categories, with an opportunity for targeted policy measures for each group. The study confirms the potential of a risk-oriented approach for the timely identification of migration risks, their adequate assessment, and the development of an effective risk management system. Further research in this area will require a more comprehensive and in-depth examination of each group. This approach opens prospects for establishing a monitoring system for foreign citizens in Russia and developing optimal strategies for adaptation and integration into Russian society.

Keywords: migration policy, migration, family migration, migrant family members, risk-oriented approach, migration risks, riskogenicity, management

References

1. Ryazantsev, S., Pismennaya, E., Tkachenko M. Towards a Central Asian Segment of the Eurasian Migration Subsystem. *International Trends*. 2013. Vol. 11, No. 3–4(34–35). Pp. 45–62. (In Russ.).
2. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Vorobëva, O. D. The Euro-Asian Migration Corridor: Theoretical Aspects, Assess the Magnitude and Key Characteristics. *Scientific Review. Series 1: Economics and Law*. 2020. No. 4. Pp. 5–18. DOI [10.26653/2076-4650-2020-4-01](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-4-01). (In Russ.).
3. Roslavtseva, M. V. Motivational Aspects of Demographic Behavior of the Population of post-Soviet Countries. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 25–44. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.2). (In Russ.).
4. Tolmacheva, A. Yu. Families of Migrants from Post-Soviet States: Between Homeland and Russia. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2022. Vol. 13, No. 3. Pp. 49–69. DOI [10.19181/vis.2022.13.3.830](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3.830). (In Russ.).
5. Chudinovskikh, O. S. Measuring Family Migration in Russia: Sources of Data and Problems of its Interpretation. *Voprosy Statistiki*. 2020. Vol. 27, No. 4. Pp. 24–52. DOI [10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52). (In Russ.).
6. Maksimenko, E. I., Erokhina, E. V. Legal Issues of Information and Digital Regulation of Migration Processes in Respect to Migrant Children. *Migration Law*. 2022. No. 1. Pp. 12–16. DOI [10.18572/2071-1182-2022-1-12-16](https://doi.org/10.18572/2071-1182-2022-1-12-16). (In Russ.).
7. Burda, M., Zorin, V. Migration Policy of Modern Russia: Formation of Places of Compact Residence of Foreign Citizens as a Risk Factor for Interethnic Relations. *PolitBook*. 2024. No. 4. Pp. 6–17. DOI [10.24412/2227-1538-2024-4-6-17](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-6-17). (In Russ.).
8. Irkhin, I. V. National and Ethnic Enclaves in the Modern World: Nature, Regulatory Instruments (Public Law Aspect). Part 1. *Lex Russica (Russian Law)*. 2021. Vol. 74, No. 11(180). Pp. 39–51. DOI [10.17803/1729-5920.2021.180.11.039-051](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.039-051). (In Russ.).
9. Vinogradova, E. V. Strengthening Sovereignty. Administrative and Criminal Legal Measures in the Sphere of Regulating Relations in Ethnic Enclaves. *Law and Management*. 2024. No. 2. Pp. 46–50. DOI [10.24412/2224-9133-2024-2-46-50](https://doi.org/10.24412/2224-9133-2024-2-46-50). (In Russ.).
10. Kononov, L. A. Development of Theoretical Provisions on Counteracting the Enclave Way of Life of Migrants in the Russian Federation. *Issues of Ethnopolitics*. 2020. No. 3. Pp. 59–69. DOI [10.28995/2658-7041-2020-3-59-69](https://doi.org/10.28995/2658-7041-2020-3-59-69). (In Russ.).
11. Bazhan, T. A. Ethnic Enclave as Social and Economic Phenomenon in Today's Russia. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2025. Vol. 22, No. 2(140). Pp. 61–78. DOI [10.21686/2413-2829-2025-2-61-78](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2025-2-61-78). (In Russ.).

12. Pisenko, K. A., Slavinskiy, P. V. The Risk-Oriented Approach in Antimonopoly Control in the Russian Federation as a Research Subject. *Administrative Law and Procedure*. 2021. No. 3. Pp. 23–28. DOI [10.18572/2071-1166-2021-3-23-28](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2021-3-23-28). (In Russ.).
13. Melnikov, R. Conceptual Approaches to the Formation of Systems of Risk-based Regulation. *Public Administration*. 2013. No. 3(83). Pp. 26–29. (In Russ.).
14. Kunin, V. A., Uporova, I. V. A Risk-based Approach to Control and Supervision: International Experience and Specific Aspects of Application in Russia. *Economics and Management*. 2019. No. 2(160). Pp. 59–68. (In Russ.).
15. Gilmour, N., Hicks, T. Global Standards, Governance and the Risk-Based Approach. In: N. Gilmour, T. Hicks. *The War on Dirty Money*. Bristol University Press, 2023. Pp. 1–29. ISBN 978-1-4473-6512-9. DOI [10.51952/9781447365143.ch001](https://doi.org/10.51952/9781447365143.ch001).
16. Avdiyskiy, V. I. The Risk-Based Approach to Ensure the Economic Security of Modern Russia. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2016. Vol. 199, No. 3. Pp. 199–211. (In Russ.).
17. Satovich, A. Unintended Consequences of the Risk-based Approach? De-Risking Tendencies in Anti-money Laundering and Countering the Financing of Terrorism Compliance. *Journal of Financial Compliance*. 2023. Vol. 7, No. 2. Pp. 160–168. DOI [10.69554/mwzm4555](https://doi.org/10.69554/mwzm4555).
18. Chmyr, Yu. N., Mikhalskaya, L. S. Risk-orientirovanny podkhod v sfere pod/FT: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt [Risk-oriented approach in the field of countering terrorism/CFT: domestic and foreign experience]. In: Otsenka sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: opyt i perspektivy [Assessment of Socio-Economic Development: Experience and Prospects] : Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists, Donetsk, April 4–5, 2019. Ed. by O. N. Golovinov. Donetsk : Donetsk National University, 2019. Pp. 173–175. (In Russ.).
19. Suvorov, V. L., Khutorova, N. A. Countering the Financing of Terrorism in the Context of Escalating Hybrid Wars in the Modern Era. *Bulletin of the Academy of Military Sciences*. 2024. No. 4(89). Pp. 44–52. (In Russ.).
20. Glotov, V. I., Arzhanov, I. A. International Experience in Risk's Assessment in the Field of AML/CFT. *Financial Research*. 2018. No. 4(61). Pp. 23–33. (In Russ.).
21. Kuryanov, A. M. Natsional'naya otsenka riskov kak element antiotmyvochnoy sistemy [National Risk Assessment as an Element of the Anti-Money Laundering System]. *Bankovskoye delo [Banking]*. 2023. No. 11. C. 10–17. (In Russ.).
22. Chaplinsky, A. V., Plaksin, S. M. Risk Management in the State Control in Russia. *Public Administration Issues*. 2016. No. 2. Pp. 7–29. (In Russ.).
23. Eisaqui, D. D. C., Brasil, D. R. Beyond the Special Assessment Tax: The Role of Taxation in Risk Management and Environmental Disaster Prevention in Light of the Economic Analysis of Law. *IR Scientists' Herald*. 2022. No. 1(19). Pp. 159–187.
24. Volokh, V. A., Dmitrieva, T. N. Risk-based Approach in External Migration Public Management. *Management (Russia)*. 2024. Vol. 12, No. 1. Pp. 5–15. DOI [10.26425/2309-3633-2024-12-1-5-15](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-1-5-15). (In Russ.).
25. Trufanov, D. O., Fenvesh, T. A. Migratsionnyye riski kak ob'yekt issledovaniya [Migration Risks as a Research Object]. In: Migratsionnyye riski kak faktor vozniknoveniya konfliktov: yevraziyskiy i yevropeyskiy opyt resheniya [Migration Risks as a Conflict Driver: Eurasian and European Experiences in Resolution] : monograph. Ed. by R. R. Fakhrutdinov, V. T. Sakayev, R. I. Izmailov. Kazan : Kazan University Press, 2020. 252 p. Pp. 28–48. ISBN 978-5-00130-350-3. (In Russ.).
26. Burda, M. A. Gosudarstvennaya migratsionnaya politika Rossiyskoy Federatsii: etapy formirovaniya i napravleniya sovershenstvovaniya [State Migration Policy of the Russian Federation: Stages of Formation and Directions of Improvement] : monograph. Moscow: Academic Alliance Publishing House, 2024. 132 p. ISBN: 978-5-6049732-3-3. (In Russ.).
27. Bazhan, T. A. Fostering the Return of Compatriots (Concerning Rehabilitation of Ethno-Cultural Principle). *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2022. Vol. 19, No. 5 (125). Pp. 126–146. DOI [10.21686/2413-2829-2022-5-126-146](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-5-126-146). (In Russ.).
28. Dmitrieva, T. N. On The Prospects of Socio-Cultural Integration of Forced Migrants. *Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii*. 2023. No. 2. Pp. 61–63. DOI [10.24412/2073-0454-2023-2-61-63](https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-61-63). (In Russ.).

Bio notes

Tatyana N. Dmitrieva, Candidate of Political Sciences, Head of the Department for International Activities, Bauman Moscow State Technical University (BMSTU), Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: fortetete@mail.ru; ORCID ID: [0009-0001-5384-910X](https://orcid.org/0009-0001-5384-910X); RSCI SPIN-code: [9487-4411](https://www.rsci.spin-code.ru/9487-4411).

Tatyana A. Bazhan, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Financial Monitoring, Institute of Financial Technologies and Economic Security, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: tbajan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-9205-6877](https://orcid.org/0000-0001-9205-6877); RSCI SPIN-code: [4538-3708](https://www.rsci.spin-code.ru/4538-3708).

The article was received on 21.11.2025; accepted for publication on 26.01.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.